

Третья глава

СУДЬБА ПУШКИНА ВО ФРАНЦИИ

В сложном комплексе причин, определяющих известность крупного поэта в иноязычной стране, одна из самых существенных — *качество перевода*. Пушкину в этом отношении решительно не везло: французские переводы его поэзии были ниже всякой критики. Если бы в начале 1830-х годов во Франции появился перевод *Евгения Онегина*, подобный вышедшему в 2005 году французскому «роману в стихах» *Eugène Onéguine* в переводе Андрея Марковича¹, судьба *французского Пушкина* была бы, возможно, иной. Однако такое предположение — чистейший анахронизм: есть множество причин невозможности подобного «чуда» в то время.

Участь *французского Пушкина* далеко не столь радужна, сколь судьбы *русского Парни* или *русского Шенье* — Пушкину, в числе других поэтов (Батюшков, Баратынский), посчастливилось подарить им вторую (русскую!) жизнь. Однако и это сравнение не совсем корректно: для Пушкина, как и для других русских стихотворцев, язык французских поэтов был *вторым родным языком*, во Франции же русским языком не владел ни один из крупных поэтов и переводчиков. В оригинале здесь мало кто мог читать Пушкина, переводы его поэзии сводились к набору избитых романтических штампов; минимальная известность первого русского поэта во Франции была, увы! закономерной.

Начальные краткие сведения о личности и таланте Пушкина впервые появились в отделе научных и литературных новостей журнала «Энциклопедическое обозрение» («Revue encyclopédique»), в связи с выходом в свет поэмы *Руслан и Людмила* (1820). «Эта поэма составлена из народных сказок времени великого князя Владимира. Она полна первостепенных красот; язык ее, то энергетический, то грациозный, но всегда изящный и ясный, заставляет возлагать самые большие надежды на молодого автора»², — писал анонимный рецензент (думается, Пушкин был весьма польщен, прочтя о себе столь лестный *парижский* отзыв, во всяком случае, он сделал из него выписку).

Тот факт, что первый французский перевод из Пушкина, появившийся в Париже в «Русской антологии» (1823), — отрывок именно из этой поэмы, представляется не случайным: по живости, остроумию и игре *Руслан и Людмила* близка галльскому духу. Выполненный Эмилем Дюпре де Сен-Мором (E.-D. de Saint Mor) перевод был удачен, но успех повторится не скоро.

¹ Alexandre Pouchkine. *Eugène Onéguine. Actes sud*. 2005. Перевод Андрея Марковича.

² «Revue Encyclopédique», 1821. Т. 9. Cahier 26. Fevr. P. 382. (В дальнейшем «RE».) Цит. по: Дмитриева Н. Л. Прижизненная известность Пушкина за рубежом. Франция // ПИМ XVIII–XIX. С. 267. В дальнейшем: Дмитриева Н. Л.

Примечательно: поначалу популяризаторами поэта в Париже стали не французы, а проживавшие там (или посылавшие туда свои корреспонденции) двуязычные русские. Первая подписанная рецензия, появившаяся в «Revue encyclopédique», принадлежала С. Д. Полторацкому¹, сообщавшему о ссылке Пушкина в Бессарабию за сочинение «остающихся неизданными пьес: *Ода на Свободу (Ode sur la Liberté)*, полная одушевления, поэзии и высоких идей и *Деревня (La Campagne)*, в которой <...> после прелестной и верной картины красот природы и сельских удовольствий, он (Пушкин. — Л. В.) плачется о печальных действиях рабства и дикости, выражая в стихах, полных силы и энергии, сладостную надежду на светлую зарю свободы для своей родины»². Журнал «Revue encyclopédique», ставший в 1820–1830-е гг. главным популяризатором поэта во Франции, опубликовал в 1825 г. отзыв Я. Н. Толстого на первую главу *Евгения Онегина*: «Удивительно правдиво изображены все петербургские развлечения. Описание петербургского театра показалось нам особенно заслуживающим внимания»³. Похвалу заслужила и поэма *Цыгане*: «Она выше всего, что создала до сих пор блестящая муза этого поэта»⁴. Вышедший в конце 1825 г. первый сборник *Стихотворения Александра Пушкина* вызвал лестные отзывы в адрес поэта, «отличающегося как образованием и умом, так и пышностью и блеском воображения»⁵. Особо отмечались *Ода к Свободе*, *Деревня* и элегия *Андрей Шенье*, где автор вкладывает в уста французского поэта «мужественные и сильные слова против деспотизма». Популярности Пушкина активно способствовал секретарь редакции «Revue encyclopédique» Эдм Эро (Edme Héreau), свободно владевший, благодаря печальному обстоятельству (он был сослан в Сибирь на семь лет, с 1812 по 1819 год), русским языком: из 22 сообщений о Пушкине, напечатанных в двадцатые годы в «Revue encyclopédique», 7 принадлежали ему.

В 1830 г. видную роль в пропаганде Пушкина во Франции сыграл Э. П. Мещерский, писавший о поэте как «о самом удивительном гении, когда-либо появлявшемся в России <...>», достигнувшем в свои 30 лет «не только бессмертной славы, но также признания своего рода непогрешимости, права верховного решения, столь же необходимого в литературе, как и в политике, для окончательного установления нового порядка вещей»⁶. Однако апологетические статьи не могут сделать популярным иноязычного поэта, достичь этого могли бы только адекватные переводы его поэзии, а их не было: «Истинного успеха во Франции Пушкин не имел»⁷.

¹ С. Д. Полторацкий, знакомец Пушкина, прапорщик Квартирмейстерской части, позднее — библиограф и библиофил. Заметка не прошла Полторацкому безнаказанно, она стала причиной его вынужденной отставки и высылки в деревню под надзор полиции.

² «RE», 1822. Т. 16. Cahier 46. Oct. P. 119–120.

³ «RE», 1822. Т. 16. Cahier 46. Oct. P. 119–120.

⁴ Ibid.

⁵ «RE», 1826. Т. 31. Cahier 92. Août. P. 406.

⁶ Цит. по: *Дмитриева Е. С.* 275.

⁷ *Cadot M.* L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856).

Краткую вспышку интереса к Пушкину вызвала его дуэль с Дантесом. В феврале – марте 1837 г. на это трагическое событие отозвались многие парижские газеты: «Journal des Débats», «Courrier Français», «Gazette de France», «Le Temps», «Le National», «Journal de Commerce», «Le Moniteur» и др. В них живо обсуждалась сенсация: первый поэт России застрелен на дуэли рукой француза¹. Однако серьезного разговора о Пушкине-художнике не возникло и теперь: «обращали внимание не на личность поэта и его творчество, но главным образом на обстоятельства его дуэли и смерти, придавая трагическому событию окраску скандальной сенсации в жизни русского большого света»². В «Revue de Deux Monde» была напечатана статья некоего Шарля Бедье, писавшего о «безудержной» страсти поэта к дуэлям. На нее в 1832 г. в одном из швейцарских журналов откликнулся французский историк и публицист граф Сиркур (le Comte de Sircourt): «Люди, которые особенно глубоко постигли его (Пушкина. — Л. В.) характер, особенно полно изучали его сочинения <...> считают своим долгом опровергнуть обвинения, затрагивающие одну из важнейших сторон репутации Пушкина»³.

На фоне легковесных сообщений французской прессы резким диссонансом прозвучал напечатанный 27 мая 1837 г. в газете «Глобус» («Globe») некролог, подписанный «Ami de Pouchkine» («Друг Пушкина») ⁴. Думается, у автора (им был А. Мицкевич) были веские основания и, прежде всего, соображения *национальные*, чтобы не обнародовать свою фамилию (главное из них — запутанность и сложность польско-французско-русских отношений). В некрологе, в отличие от всех появившихся на тему дуэли статей, раскрывались социальные корни пушкинской трагедии. Эту мысль Мицкевич повторит через шесть лет читая лекцию о Пушкине в парижском Collège de France: «Полевой говорит, что русский поэт был загублен (буквально: «разорван» — «dévoté». — Л. В.) светом, но правильнее было бы сказать, что он был загублен правительством, сопротивляться которому у него не было больше сил»⁵.

¹ О дуэли существует обширная научная и псевдонаучная литература, включающая множество взаимоисключающих гипотез. Мне близка концепция Ю. М. Лотмана (см.: *Лотман Ю. М.* Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Ленинград. 1981. С. 222–250), но с одним уточнением: нельзя исключать возможности сильного взаимного чувства двух внешне привлекательных молодых людей одного возраста (см.: *Vitale Serana.* Il bottone di Puškin. Milano, Adelphi Edizioni. 1995).

² См.: *Дмитриева Н. Л.* 277.

³ Цит. по: *Заборов П. П.* Статья о Пушкине во французском журнале 1838 г. // *Временник пушк. комиссии*, 1975. Л., 1979. С. 136–137.

⁴ Русский перевод некролога за подписью *Друг Пушкина* в статье «Пушкин и литературное движение в России». См.: *Мицкевич А.* Собр. соч. в 6 томах. Т. 4. С. 89–97. В дальнейшем: *Мицкевич*.

⁵ *Mickiewicz Adam.* Les Slaves, cour professé au Collège de France (1842–1844). Paris, 1866. P. 81.

Широко посещавшийся курс Мицкевича *Славяне* (1842–1843 (на нем бывали профессора Мишле и Кине, писатели Сэнт-Бёв, Жорж Санд, Жерар де Нерваль, Монталамбер)¹ способствовал в какой-то мере знакомству Франции с Пушкиным. Однако оценка Мицкевичем Пушкина-художника была достаточно «амбивалентной»: значение Пушкина им, парадоксальным образом, одновременно *снижалось* и *поднималось* (больше — первое). Единственный поэт во Франции, в совершенстве владевший русским языком, который мог бы раскрыть французам всю полноту неповторимого пушкинского таланта, этого сделать, увы! не захотел (или не смог). Позднее его концепция будет вызывать бурные споры и дискуссии, породившие впоследствии объемную научную литературу. Речь идет о рефлексии Мицкевича над творческой связью «Пушкин — Байрон». Мицкевич стремится точно расставить акценты в соотношении категорий «подражательности» и «самобытности». Решение проблемы оказалось по силам лишь таким крупным пушкинистам XX в. как В. М. Жирмунский² и Г. М. Фридлиндер³. Мицкевич сильно преувеличивает влияние Байрона: «В его (Пушкина. — Л. В.) произведениях первого периода все байроновское — *и тема, и характеры, и идея, и форма*» (курсив мой. — Л. В.)⁴. Однако он тут же сам себя «подправляет»: «Но при этом Пушкин не столько подражал его произведениям, сколько находился под воздействием духа своего любимого поэта <...>, он был, вернее, если можно так выразиться, “байронствующим”. Если бы произведений английского поэта вовсе не существовало, Пушкин был бы провозглашен первым поэтом своей эпохи»⁵. Трудно согласиться с мнением Н. Л. Дмитриевой, что оценка Мицкевича содействовала «укреплению надолго представления о нем (Пушкине. — Л. В.) как о подражателе Байрона»; оценка зависела от *установки* — что в ней хотеть найти. Заметим, что споры о том, принес ли Мицкевич своей статьей восприятию Пушкина во Франции больше вреда или пользы, продолжают и сегодня⁶.

При всей популярности его лекций, кардинально изменить ситуацию Мицкевич не мог, так же как не мог и Александра Дюма, пропагандировавший Пушкина как гениального поэта и героическую личность (очерки *Поэт Пушкин*, публиковавшиеся в его журнале «Граф Монтекристо» в 1858–1859 гг.⁷). Даже Флобер почитал Пушкина «банальным поэтом» (русским языком он, как де Кюстин, не

¹ Wiktor Weintraub. Profesia i profesura. Mickiewicz, Michelet i Quinet. Varsovie, 1975.

² Жирмунский В. М. Пушкин и Байрон. Пг., 1924.

³ Фридлиндер Г. М. Поэмы Пушкина 1820-х годов в истории эволюции жанра поэмы в мировой литературе (К характеристике повествовательной структуры и образного строя поэм Пушкина и Байрона) // ПИМ. Т. 7. С. 100–122.

⁴ Мицкевич А. С. С. 89–97.

⁵ Там же.

⁶ Напр., на конференции 2006 года в СПб., посвященной памяти Е. Г. Эткинда, *Русская поэзия в западноевропейском контексте*, после доклада Е. Ларионовой *Пушкин и Мицкевич* на эту тему разгорелась живая дискуссия.

⁷ См.: Сашина Е. В. Александр Дюма об Александре Пушкине // Беллетристическая пушкиниана. С. 84 – 91. Там же и литература.

владел, а переводы были ниже всякой критики). Среди немногих читателей во Франции, владевших русским языком и восхищавшихся Пушкиным, все больше укреплялось убеждение: его поэзия на французский язык *непереводима*.

Некоторый поворот к лучшему произошел благодаря Просперу Мериме: именно он, создав качественные переводы прозы, *открыл* Франции *Пушкина*-прозаика. После него целое столетие (с середины XIX в. до середины XX в.) знакомство читателя с *Ликовой дамой*, *Выстрелом*, *Метелью* во Франции происходило исключительно благодаря его переводам¹. С конца сороковых годов «верный вассал Пушкина» («Chevalier servant de Pouchkine»²), Мериме активно популяризирует творчество поэта. В статье *Alexandre Pouchkine* (1868) он возносит ему высокую хвалу и называет «лучшим европейским поэтом»³. Можно спорить о степени владения Проспером Мериме русским языком, но тот факт, что он в сороковые годы берет уроки русского языка, активно общается с С. А. Соболевским, Л. С. Пушкиным, И. С. Тургеневым, учитывает их советы при переводе пушкинской прозы и поэзии (стихами Мериме ее переводить не решался⁴), неоспорим. Сам он неизменно восхищался русским языком, «сжатость и богатство» которого «не может не смутить даже самого искусного переводчика»⁵.

После Мериме должное Пушкину воздал авторитетный французский славист, автор монографии *Русский роман*, Э. М. Вогюе (E.-M. Vogüé. *Roman russe*, 1888). В главе о Пушкине, отметив лаконизм и ясность его стиля, ученый писал: «Этот алмазный язык (cette langue de diamant) не передаваем ни на каком другом языке»⁶.

Столетний юбилей со дня рождения Пушкина Франция встретила прохладно; на празднование в Петербург не поехал ни один из крупных славистов, лишь пять писателей послали юбилейному Комитету свои поздравления (Жюль Верн, Франсуа Копе, Эжен Вогюэ, Жюльет Адам, Марсель Прево)⁷. О французских журналистах, приехавших на празднование, корреспондент «Санкт-Петербургской газеты», скрывшийся за псевдонимом «Vox», с горечью писал: «Я совсем не удивлюсь, если на страницах их журналов вместо имени Пушкин будет стоять Мушкин или Кушкин <...>. Очевидно, что имя *Пушкин* не говорит французам ничего. Они поехали, чтобы увидеть, как русские чествуют своего поэта, но кто этот поэт и что он дал русской литературе, они не знают»⁸.

¹ См.: Mongault H. Introduction // Mérimée P. Oeuvres complètes Etudes de la littérature russe. T. 1. Paris, 1931. P. XVI.

² Ibid. P. XXXIII.

³ См.: Михайлов А. Д. Комментарий к статье Монго // Мериме П. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 5. М., 1963. С. 376–378.

⁴ Мериме удачно перевел *Ликовую даму* (1849), но стихи переложил прозой — *Цыганы*, *Анчар*, *Опричник* (1863).

⁵ Мериме П. Статья о Н. В. Гоголе.

⁶ Vogüé E.-V. Roman russe. Paris, 1888. 2-е édition. P. XII.

⁷ См.: Zaborov P. Les échos en France du jubilé de Pouchkine en 1899 // L'Universalité de Pouchkine Paris. Institut d'études slaves, 2000. P. 295–302. В дальнейшем: Zaborov P.

⁸ Цит. по: Zaborov P. С. 297.

Двадцатый век несколько изменил ситуацию к лучшему, положительную роль сыграли юбилеи. Столетие со дня гибели поэта было отмечено в 1937 г. во Франции многими актами (заседания, встречи, выставки, была выпущена медаль с изображением Пушкина); во всех этих мероприятиях видную роль сыграл страстный поклонник Пушкина, энтузиаст-меценат Сергей Лифарь¹.

Значительный вклад во французскую пушкинистику внес крупный переводчик и исследователь русской литературы, славист широкого профиля, Андрей Менье (André Meunieux). С середины 1950-х годов начинают выходить его статьи о Пушкине. Менье был убежден: перевести пушкинскую поэзию стихами невозможно, можно — только прозой, в лучшем случае слегка ритмизованной. По его мнению, при переводе Пушкина следует отказаться от *рифмы* и *строфики*; это убеждение он отстаивал на практике и в теории всю жизнь. У него было много сторонников: «Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов завоевали Францию, и лишь Пушкин остается узником своего национального языка»². О том же писал Клод-Мишель Клуни: «Несчастье Пушкина в том, что он поэт. Несчастье — потому, что он приговорен разочаровывать всякого, кто не может читать его по-русски»³.

А. Менье выпустил в 1953 г. на французском языке два переводных тома «А. С. Пушкин. *Драмы, романы и повести*». Анри Труайя, много сделавший для популяризации Пушкина во Франции, автор книги *Пушкин (Pouchkin, 1946)*, воздал Менье высокую хвалу за то, что тот «исправил старую несправедливость к одному из самых великих писателей мира»⁴. А. Менье защитил в 1966 г. докторскую диссертацию в Парижском университете и на эту тему издал книгу — *Пушкин. Писатель и профессиональная литература в России (А. Менье. Pouchkine. Homme de lettre et la littérature professionnelle en Russie, 1966)*. В ней Пушкин — центральная фигура в борьбе русских литераторов за писательские права. «Этот французский труд <...> о той роли, которую он (Пушкин. — Л. В.) сыграл в истории русской общественной мысли и культуре, — писал М. П. Алексеев, — оставляет далеко позади себя все предыдущие работы о Пушкине, появившиеся на французском языке»⁵.

В шестидесятые годы XX в. многие пушкинисты, продолжая традицию Е. Омана, М.-Р. Хофмана, А. Мазона⁶, А. Лиронделя, считают первостепенной задачей познакомить французов с творческой биографией поэта. Анри Труайя

издает *Биографию Пушкина* (Н. Troyat. *Pouchkine. Biographie* 1965), Жан-Луи Баке — *Пушкин, рассказанный через самого себя* (J.-L. Bäckès. *Pouchkine par lui-même*, 1966), Г. Жюэн — *Пушкин* (Н. Juin. *Pouchkine*, 1956), Елена Иссерлис — *Александр Пушкин. Слава русской поэзии. Жизнь великого писателя, рассказанная молодым* (Н. Isserlis. *Aleksandre Pouchkine. Gloire de la poésie russe. La vie du grand écrivain, racontée à la jeunesse*, 1965).

В семидесятые-восьмидесятые годы французских ученых начинает все больше привлекать поэтика Пушкина (N. Nevo, N. Labrecque, H. Socié и др.); уровень пушкиноведения в стране заметно возрастает. В 1999 г. в Сорбонне состоялось одно из самых больших на планете юбилейных празднеств, посвященных 200-летию со дня рождения поэта. Торжественный Форум проходил «под патронажем» президента Франции Жака Ширака, пресса широко освещала конференцию, в *Парке Поэтов* был открыт памятник Пушкину¹. Доклады, прочитанные французскими учеными (среди них Е. Эткин, Ж. Бонамур, В. Трубецкой, М. Никё, А. Монье, М. Сеймон, Ж. Брейар, Л. Мартине, М. Кадо, К. Депретто и др.), свидетельствовали о высоком уровне французской пушкинистики. Итогом Форума стал фундаментальный труд *Универсальность Пушкина*².

В конце XX в. была решена и казавшаяся непреодолимой трудность перевода поэзии Пушкина: замечательные французские переводчики-полиглоты, вышедшие из школы Е. Г. Эткинда, представили поэтические произведения Пушкина в адекватном стихотворном переводе; вышел прекрасный емкий юбилейный том, снабженный параллельными русскими текстами: «А. С. Пушкин. *Избранная поэзия в переводах на французский язык*» (Москва, 1999). И, наконец, последний значительный успех — победа над трудностями перевода *Евгения Онегина*. В 2005 г. французы получили возможность постичь обаяние пушкинского шедевра: вышел в свет *Евгений Онегин* в прекрасном переводе Андрея Марковича.

Таким образом, можно сделать вывод о постепенном накоплении позитивных факторов в судьбе *Французского Пушкина*. И все же утверждать, что русский поэт стал широко известен стране, было бы преувеличением: только исключительно благоприятная ситуация в развитии русско-французских культурных связей (новый всплеск интереса к России, увлечение русским языком и литературой, усиление контактов) могли бы привести к желаемому результату. В настоящее время несомненно одно: не владеющий русским языком французский читатель, жаждущий познакомиться с творчеством великого поэта, такую возможность обрел. С этой точки зрения судьба *Французского Пушкина* с о с т о я л а с ь.

¹ См.: Лифарь С. Моя зарубежная пушкиниана. М., 1960.

² Troyat H. Pouchkine. Biographie, Plon, 1963. P. 823.

³ Цит. по: Дмитриева Е. Е. Решая загадку Пушкина (Французское пушкиноведение 1960–1980-х годов) // «Вопросы литературы». 1985. № 3. С. 227.

⁴ Цит. по: Алексеев М. П. Некролог Андрей Менье // ВПК 1967–1968. Л., 1970. С. 130. В дальнейшем: Алексеев М. П.

⁵ Алексеев М. П. С. 134.

⁶ Одна из заслуг А. Мазона: он воскресил в 1964 году забытое творчество Э. П. Мещерского, опубликовав через 120 лет после его смерти его прекрасные переводы поэзии Пушкина.

¹ Бюст работы скульптора Юрия Орехова, подаренный Парижу мэром Москвы Ю. М. Лужковым.

² Universalité de Pouchkine. Publ. sous le dir. de M. Aucouturier et J. Bonamour. Paris, 2000. (Bibliothèque russe de L'Institut d'études slaves. T. 104. P. 49–59.)